

На правах рукописи

ПАВЛЕНКО ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА

**СЛАВЯНСКИЙ ФАКТОР В ИДЕОЛОГИИ И
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
И МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ
(1830-е гг. – 1914 гг.)**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история (новая история)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 2022

Работа выполнена на кафедре внешней политики и зарубежного регионоведения факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения ФГБОУ ВО «Российский Государственный Гуманитарный университет».

Официальные оппоненты:

Новикова Ирина Николаевна,
д.и.н., профессор, декан факультета международных отношений, профессор кафедры европейских исследований, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Хаванова Ольга Владимировна,
д.и.н., профессор РАН, заместитель директора и руководитель Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи, Институт славяноведения РАН

Вишняков Ярослав Валерианович,
д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, МГИМО МИД России

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Защита состоится «_____» «_____» 2023 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета 1.24.041.1., созданного на базе Института всеобщей истории РАН по адресу: 119334, Москва Ленинский пр., 32а, ауд. 140б

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института всеобщей истории РАН и на сайте www.igh.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

О.И. Тогоева

Общая характеристика исследования

Актуальность темы диссертационного исследования. Актуальные проблемы современности зачастую уходят корнями в «долгий» XIX век. Европейские империи, борясь за расширение жизненного пространства и геополитическую гегемонию, соединяли в своих стратегиях задачи внутренней и внешней политики. «Государственная целесообразность» (понятие, которое активно использовалось в XIX – начале XX вв.) включала новые формы коллективного служения Отечеству, продвижение национальных интересов, приоритет имперского суверенитета над универсальными ценностями. В бурлящем котле этатистских идей, ставивших превыше всего государство, выплавлялось кредо политики реализма, сформулированное лордом Пальмерстоном в выступлении в Палате общин в 1848 г.: «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их — наш долг»¹.

Исторический опыт России и Австрии² позволяет не только сопоставить модели их государственного развития, внутренние и внешние стратегии, но и понять многие современные процессы. В отличие от империй Запада, оба государства смогли создать свои пространства на материке. Одно вобрало в себя большую часть Евразии, другое – Цен-

---

¹ *Виноградов В.Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история, 2006. № 5. С. 182–209.

² Название «Австрия» (*Österreich*) употребляется в австрийской и мировой историографии применительно к XIX – началу XX вв. как условное понятие, соответствующее по смыслу терминам «монархия Габсбургов», «Австрийская империя», «Дунайская монархия». Официальное название государства «Австро-Венгрия» используется только для периода с 1867 по 1918 гг., когда было провозглашено дуалистическое государство. Но параллельно с ним в научных текстах допускается употребление терминов «монархия Габсбургов», «Дунайская монархия». В современной историографии, как правило, избегают название «Австрийская империя» применительно к эпохе дуализма, поскольку считается, что имперское начало было размыто в структуре дуалистического государства. Тем не менее, имперская идеология и атрибутика сохранялась вплоть до распада Австро-Венгрии в 1918 г. В тексте диссертационного исследования чаще всего используется термин «монархия Габсбургов», поскольку он применим к любому из изучаемых исторических периодов и принят всеми историографиями. Понятия «Россия», «Российская империя» используются в исторических трудах применительно ко всему изучаемому времени. Реже встречается название «монархия Романовых». Для определения царствования Николая II в зарубежных исследованиях используется также понятие «поздняя Российская империя». Подробнее о дискуссиях по терминологии см. главу 1, раздел 1 диссертации.

тральную Европу и часть Балкан. К началу модернизации огромная Россия и большая по европейским понятиям Австрия уже сложились как имперские государства. Правда, Австрия была гораздо более интегрирована в систему европейских коммуникаций, чем Россия. И все же ритмы их развития вплоть до 1860-х гг. во многом совпадали.

Обе империи прошли испытания на прочность. Россия пережила Крымскую войну, Австрия – войны с Италией и Германией, которые стремились объединить свои национальные территории, вырвав их из-под влияния Дома Габсбургов. Экзистенциальные вызовы заставили Вену и Петербург приступить в 1860-е гг. к либеральным реформам. Но у каждого государства были свои пределы допустимых компромиссов на пути ограничения власти монарха и свое понимание компромисса как основного механизма сохранения многосоставного государства. В 1880-е гг. династия Романовых сделала выбор в пользу политического консерватизма. Австро-Венгрия, напротив, вступила в полосу длительных конституционных экспериментов. Развитие ее конституционных основ было подчинено поиску эффективной модели сосуществования наций под скипетром Габсбургов. Австро-Венгрия в большей степени, чем другие европейские державы, испытала на себе мощный натиск национализма, который стал самым серьезным вызовом за всю историю ее существования. По сути, дунайское государство превратилось в своеобразную лабораторию, в которой ставились многочисленные опыты по поиску национального согласия. Но проекты «общего дома» рассыпались как карточные домики из-за острой конкуренции между его народами.

Чем длиннее становится историческая дистанция между современностью и империями прошлого, тем острее проявляется интерес к их историческому опыту. Изучение моделей взаимодействия власти и общества в имперском пространстве – актуальная задача исторической науки. Ведь здесь веками складывались особые социокультурные матрицы, определявшие типы политического поведения. Этот опыт воспроизводится в исторической памяти потомков, независимо от политических режимов, общественных и интеллектуальных предпочтений. Понять современные процессы в регионах, хранящих печать уникального имперского наследия России и монархии Габсбургов, невозможно без изучения истоков их национализмов и форм коллективной идентичности.

Проблематика диссертационного исследования включает в себя сопоставление внутреннего и внешнего контуров имперской политики, идеологических процессов с международными, анализ моделей коллективной идентичности в исторической динамике на национальном, региональном и общегосударственном уровнях. Эти исследователь-

ские линии объединяет комплексное изучение *славянского фактора*, под которым понимается:

- совокупность многообразных коммуникаций между социальными группами, корпорациями, общественными объединениями на основе идей славянской взаимности, включая благотворительность и интеграционные проекты;
- интересы в славянском вопросе и внешнеполитические стратегии России и монархии Габсбургов;
- трансформация славянских кодов в национальных и имперских дискурсах политической мысли двух государств.

Степень изученности темы. Эволюция историографических концепций и методологий отражена в первой главе диссертационного исследования, где исследуется специфика подходов к славянской проблематике в советской/ российской, австрийской, англо-американской, немецкой, чешской, словацкой и частично венгерской и польской историографиях более чем за сто лет.

Осмысление феномена «славянства» в интеллектуальной традиции России, Запада, стран Центральной Европы и Балкан было вызвано историческими травмами, геополитической конкуренцией великих держав и формированием наций модерна. Пики острого интереса сменялись потерей актуальности. Затем снова начиналось бурное движение, дискуссии, в эпицентре которых опять вспыхивали образы «великого славянства» и фантомы панславизма. Как ни парадоксально, изучение имперской проблематики развивалось параллельно славянским исследованиям, лишь изредка пересекаясь, поэтому цельного исследовательского массива так и не сложилось.

В межвоенный период имперская проблематика была вытеснена поиском виновных в Первой мировой войне и «сакрализацией» национальных движений и освободительной борьбы. В новой советской историографии и за рубежом создавались упрощенные мифы об империях как «тюрьме народов», политическом панславизме как прологе Первой мировой войны, девальвировалось русофильство среди зарубежных славян³.

После Второй мировой войны изучение славянского вопроса получило мощный импульс. Реалии холодной войны еще более упрочили

---

³ *Sumner B. H.* Russia and the Balkans, 1870–1880. Oxford, 1937. P. 56–57; *Fischer A.* Der Panslawismus bis zum Weltkrieg. Stuttgart; Berlin, 1919; *Černý A.* Masaryk a slovanstvo. Praha, 1921; *Masaryk T. G.* Rusko a Evropa. D. 1; *Bidlo J.* Dějiny slovanstva. Praha, 1927; *Weingart M.* Slovanská vzájemnost. Bratislava, 1926; *Покровский М.Н.* Погодин // Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 44–47; *Его же.* Панславизм на службе империализма // Правда. 1927. 26 июня.

миф об агрессивном панславизме в западных исследованиях без должного критического анализа и репрезентативных источников⁴. Но одновременно стало развиваться новое направление сравнительных исследований славянских движений. Это позволило уже в 1970-е гг. приступить к компаративному анализу генезиса славянских наций⁵. Австрийская историография смогла реконструировать историческую модель монархии Габсбургов как сложную систему взаимодействия различных компонентов государства на компромиссной основе⁶. Чешские и словацкие историки внесли определенный вклад в осмыслении славянской идеологии, показали многозначность и текучесть славянских понятий в разных исторических контекстах⁷.

Советская историография прошла путь трансформации от упрощенной апологетики национального радикализма до комплексных исследований национальных движений в Центральной и Юго-Восточной Европе⁸. За этот период существенно изменилась трактовка внешней политики России. На основе массива дипломатических источников был доказан огромный вклад России в освобождении балканских славян, началось изучение славянского благотворительного движения⁹.

---

⁴ *Kohn H.* Pan-Slavism: its history and ideology. Notre Dame, 1953; The mind of modern Russia: historical and political thought of Russia's great age / ed. by H. Kohn. New Brunswick, 1955; *Fadner F.* Seventy years of Pan-Slavism in Russia: from Karamzin to Danilevsky, 1800–1870. Washington, 1962.

⁵ *Petrovich M. B.* The Emergence of Russian Pan-Slavism, 1856–1870. New York, 1956; *Riasanovsky N. V.* Russia and the West in the teaching of the Slavophiles: a study of romantic ideology. Cambridge, 1952; *Kimball S. B.* The Austro-Slav revival: a study of nineteenth-century literary foundations. Philadelphia, 1973

⁶ *Kann R. A.* The multinational Empire. New York, 1950. Vol. 1–2; *Idem.* Werden und Zerfall des Habsburgerreiches. Wien; Köln, 1962; Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Wien, 1973–1978. Bd. 1–4.

⁷ *Wollman F.* Slavismy a antislavismy za jara národů. Praha, 1968; Der österreichisch-ungarische Ausgleich 1867 / hrsg. von L. Holotík. Bratislava, 1971; Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / red. V. Št'astný. Praha, 1968.

⁸ Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. И.С. Миллер, В.И. Фрейдзон. М., 1981; Методологические проблемы истории славистики / отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1978; *Мильников А. С.* Об истоках становления славяноведения в России // Историографические исследования по славяноведению и балканистике / отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1984. С. 10–17, 25–30

⁹ О научных трудах С.А. Никитина см.: Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С. А. Никитина / отв. ред. И. В. Чуркина. М., 2013; *Виноградов В.Н.* Восточный вопрос и Балканы. Размышления о современном этапе исследования // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 61–79; Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. Н.С. Киняпина М., 1978; Международные отношения на Балканах, 1856–1878 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1986;

Линии «идеологических фронтов», прочерченные в 1950–1960-е гг. с резкими оценочными суждениями постепенно размывались. Взаимный интерес исследователей помогал преодолевать возведенные барьеры. К 1980-м гг. национальные историографии вышли на качественно новый уровень обобщений, существенно расширив диапазон тем на стыке историко-социологических и культурологических методов.

За последние тридцать лет историография развернулась от упрощенных типологий национализмов к поиску новых исследовательских практик. Тезис об этноязыковой дискриминации и освободительной борьбе в монархии Габсбургов был вытеснен из круга референтных концепций. В то же время национальные дискурсы малых народов, вбирающие память об исторических травмах, сохранили свое влияние¹⁰. Осмысление феномена многосоставного государства в настоящее время развивается в сторону дискуссий о критериях и пределах его демократизации, базовых концептах «парламентаризма» и «конституционной монархии»¹¹. Но стоит учитывать, что каждое многосоставное государство имело свои пределы компромисса.

В настоящее время исследовательские практики можно объединить по следующим направлениям: коллективные идентичности модерна – национальные и общегосударственные/имперские общности¹²; интел-

---

¹⁰ Историческая политика в XXI веке сборник статей / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2012 ; Россия и Польша : история общая и разобшенная / под ред. Е. И. Пивовара, О. В. Павленко. М., 2015.

¹¹ Csáky M. Das Gedächtnis der Städte: kulturelle Verflechtungen – Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa. Wien; Köln; Weimar, 2010; Rumpel H. Eine Chance für Mitteleuropa: bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997; Модерн. Модернизм. Модернизация: Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX–XX веков / отв. ред. Н.С. Павлова, О.В. Павленко. М., 2004; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О.В. Хаванова. М., 1997; Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI – XX вв.) / отв. ред. С.А. Романенко [и др.]. СПб., 2011

¹² См. российские исследования: Центр по изучению истории многонациональной Австрийской империи, Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/nauchnye-podrazdeleniya/centr-po-izucheniyu-istorii-mnogonacionalnoy-avstriyskoj-imperii/>; отдел Новой и Новейшей истории, Институт всеобщей истории РАН. URL: [http://igh.ru/departments/30?locale=ru](http://igh.ru/departments/30?locale=ru;); Kultur als Vehikel und als Opponent politischer Absichten : Kulturkontakte zwischen Deutschen, Tschechen und Slowaken von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis in die 1980er Jahre / hrsg. von M. Marek [et al.]. Essen, 2010; Telesko W. Kulturraum Österreich: die Identität der Regionen in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts. Wien; Köln; Weimar, 2008; Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов. 1848–1914. Очерки / отв. ред. О. Хаванова. М., 2018; Репников А.В. Консервативные модели Российской государственно-

лектуальные и политические проекты славянских народов в монархии Габсбургов и на Балканах¹³; славянство как код российской национальной идеи и внешнеполитическая стратегия XIX – начала XX в.¹⁴; славянский вопрос и внешняя политика великих держав¹⁵.

В каждом из этих тематических блоков сформировался свой понятийный аппарат, методология, подходы, аргументация, корпус источников и авторитетные концепции. В то же время в отечественной историографии накоплен значительный потенциал, позволяющий перейти от описательных концепций к комплексным, многофакторным, сравнительно-историческим обобщениям.

Объект исследования – славянский фактор в России и монархии Габсбургов, который рассматривается в динамике и качественных изменениях на четырех уровнях: политической культуры имперских государств; национальных движений австрийских славян; стратегий внешней политики; историографических подходах и концепциях, начиная с межвоенного периода до современности.

Особо стоит отметить, что изучение региональных вариантов слаvizмов, которые возникали в большом количестве в среде австрийских

сти. М., 2014; Механизмы власти: трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX – XX вв. / редкол.: О.В. Павленко [и др.]. М., 2009; Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell / hrsg. von P. Deutschmann, O. Pavlenko [et al.]. Wien, 2011

¹³ Чуркина И. В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. М., 2017; Славянский мир в третьем тысячелетии. 2017. № 12; Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. / отв. ред. С. И. Данченко. М., 2017; Лантвева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012; Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы. М. 2016; Славянское движение XIX – XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения / отв. ред. М. Досталь. М., 1998; Ненашева, З.С. Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и реальность // Современная Европа. – 2017. – № 7 (79). С. 88–97.

¹⁴ Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика: 40-е годы XIX - начало XX века. Иркутск: «Аспринт», 2013; Проскудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIXвека. М, 2018; Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: идейная борьба в российском обществе в начале XX века. М, 2017

¹⁵ Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVII – начало XX века. /Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2007; Россия и Балканы: геополитика и общественные связи. /Отв. ред. Е.П. Кудрявцева. М., 2022; Россия и черноморские Проливы. (XVIII – XX столетия). /Отв. ред. А.В. Игнатьев, Л.Н. Нежинский. М., 1999; Россия на международных форумах и конгрессах XVII – начала XX века. /Отв. ред. А.В. Виноградов. М. Международные отношения. 2021; Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012

народов (югославизм; польский мессианиззм; чехословакизм; триализм и т.д.) не входит в задачу данного исследования. В центре внимания - проекты, которые были рассчитаны либо на всех славян монархии Габсбургов, либо имели общеславянский масштаб. По этой же причине в диссертации отдельно не рассматриваются польский, русинский и украинский вопросы, каждый из которых составляет особое научное направление. В перспективе необходимо будет расширить формат исследования, включив все возможные национальные и региональные проекты славянских движений.

Предмет исследования – взаимоотношения Российской империи и монархии Габсбургов с 1830-х гг. до 1914 г. во всем многообразии: от внешнеполитических союзов и дипломатических комбинаций до взаимовосприятий в общественных и политических рефлексиях; от общественных движений до военно-стратегических планов.

Цель исследования – на основе анализа аутентичных исторических источников и литературы изучить роль и влияние славянского фактора в контексте российско-австрийских отношений и в политической культуре обоих государств с 1830-х гг. до 1914 гг.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

1. Изучить российско-австрийские отношения с 1830-х гг. до 1914 г., выделив в них фазы развития, и рассмотреть в динамике влияние славянского фактора. Выяснить, насколько реальной была угроза панславизма, которая культивировалась в общественном мнении монархии Габсбургов? Существовали ли конкретные проекты создания всеславянской империи и раздела австро-венгерского наследия в российском МИДе?

2. Проанализировать объединительные проекты, программы и движения, которые выдвигались в монархии Габсбургов и были ориентированы на всех австрийских славян, выявить в них соотношение общеславянских и национальных интересов, степень лояльности к династии Габсбургов и восприимчивости России.

3. Исследовать генезис и природу панславизма, рассмотреть основные панславистские дискурсы в политической культуре обеих империй.

4. Рассмотреть особенности процессов формирования имперской нации в политической культуре России и Австро-Венгрии, а также проанализировать роль славянских кодов.

5. Изучить механизмы финансирования, направления деятельности и масштаб славянского благотворительного движения в России.

6. Проанализировать развитие историографии с межвоенного периода до современности, выделив следующие позиции: эволюция понятий и концептуальных объяснений; трансформация подходов к исследо-

ванию имперских государств и внешней политики; изучение панславизма; комплексные исследования славянских движений и идеологий.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с 1830-х гг. до начала Первой мировой войны. Славянский вопрос возник в 1830-е гг., когда появился трактат словака Яна Коллара «О славянской взаимности». Очень скоро он стал предметом многочисленных обсуждений в славянской и пангерманской среде, а через несколько лет и в европейской публицистике. Примерно в это же время в России славянская тема впервые получила осмысление в славянофильском учении. Исследование заканчивается разделом об июльском кризисе 1914 г., который привел к Первой мировой войне. Но для логического завершения было необходимо провести также анализ документальных источников российского МИДа с момента начала военных действий до февраля 1917 г., чтобы определить линии переговорного процесса, который вели российские дипломаты с союзниками по проектам послевоенного переустройства.

Методологические основания диссертационного исследования. В основу диссертации был положен *принцип историзма*. События и процессы исследуются в их диалектическом взаимодействии применительно к каждой конкретной исторической ситуации. *Принцип научной достоверности* подразумевает привлечение значительного объема источников и их сопоставление, критический анализ теорий и объяснений в историографии, соотнесение полученных результатов с уже существующими знаниями по изучаемой теме. Для научной достоверности исследования проведен сопоставительный анализ политической публицистики с дипломатическими документами, мемуарами государственных деятелей и корреспонденцией участников событий. В диссертации рассматриваются случаи, когда в историографии были допущены намеренные искажения и выявляются их причины.

С развитием исторического знания реализация *принципа объективности* стала возможной только на основе междисциплинарной методологии. Структуралистский подход, в котором преобладают причинно-следственные связи, позволяет выявить типологии в международных процессах. Но описание дипломатических отношений между государствами раскрывает лишь линейную последовательность событий. Основными игроками на международной сцене выступают великие державы. Они продвигают свои интересы, продиктованные пониманием «суверенитета» и «безопасности», сложившимся в среде элиты и поддержанным обществом. Странники традиционалистского подхода исходят из логико-интуитивного метода и парадигмы реальной политики. Безусловно, такой подход дает нам представление о балансе сил, но не объясняет действие глубинных механизмов взаимовлияний между великими, региональными и малыми державами.

В диссертации была применена конструктивистская методология, позволяющая провести сравнительное изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе¹⁶. Онтологическое понимание международного мира объединяет социологические, лингвистические, сравнительно-политологические и сравнительно-исторические методы. Конструктивисты смогли доказать, что недостаточно исходить из прагматичных ситуационных интересов, чтобы в полной степени раскрыть взаимосвязи между игроками и структурами мирового порядка. Особое внимание они уделяют изучению коллективной идентичности, на основе которой элиты формулируют «вечные» и актуальные интересы и вырабатывают внешнеполитические стратегии.

Коллективная идентичность в международных отношениях реализуется на двух уровнях. Внутреннем – «государство в себе» и «для себя» и внешнем – государственный имидж в мире. Процесс восприятия «себя» и «других» чрезвычайно важен. При контактах с другими игроками и структурами рождается понимание собственной уникальности и значимости.

Теоретические размышления школы М. Бахтина о гносеологических и онтологических основах диалога культур позволили расширить рамки междисциплинарных подходов¹⁷. Процесс размежевания «Я» и «Другие» всегда создавал в интеллектуальной традиции особые смыслы. В диссертации показано, что монархии Габсбургов и Романовых связывала не только общая граница, но и длительный опыт исторического взаимодействия. Между двумя империями сложилась многоуровневая социокультурная система коммуникаций. Это обстоятельство служит еще одним аргументом в пользу конструктивистского подхода при сравнительном изучении роли славянского фактора.

Однако отметим, что теоретическое конструирование дискурсов таит опасность умозрительных схем, которые рассыпаются как песок под влиянием фактических знаний. Необходим скрупулезный анализ источников. Только на основе сочетания «архивного» подхода и междисциплинарных методов можно исследовать дипломатическое и социокультурное измерение исторических процессов.

---

¹⁶ Onuf N. Constructivism: a user's manual // International relations in a constructed world / ed. V. Kubálková [et al.]. Armonk, 1998. P. 58–78; *Idem*. World of our making: rules and rule in social theory and international relations. Columbia, 1989

¹⁷ Нойманн Ивэр в своем исследовании «Использование «Другого» особо подчеркивает значение уникальной русской школы «диалогизма» для постмодернистских теорий: Нойманн И.Б. Использование "Другого": образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 37–41 (*Neumann I.B.* Uses of the other: "The East" in European identity formation. Minneapolis, 1999).

В центре внимания – диалектика взаимодействия двух империй в общем пространстве славянского вопроса. Соответственно, стратегия исследования была ориентирована на компаративный и комплексный подходы, поскольку история обоих государств содержит богатый и адекватный материал для сопоставления. Внешнеполитические, экономические, военно-стратегические, научно-образовательные, религиозные, культурные, общественные аспекты развития обоих государств исследуются в сравнительно-исторической ретроспективе. Это позволяет наиболее полно раскрыть общие черты и различия в моделях власти, качестве и динамике развития общества и государства.

Комплексный подход позволяет изучать имперское государство как универсальное, инклюзивное и многосоставное пространство, в котором выстраивались различные балансы сил между центром и регионами. В этой связи важно было проанализировать различные интеграционные проекты, созданные славянскими интеллектуалами и политиками, а также возможности их реализации.

В диссертационном исследовании применялись также *историко-генетический метод*, необходимый для изучения природы тех или иных исторических явлений и процессов. В данном случае – генезиса и эволюции панславизма. На основе источниковедческого анализа удалось выявить первоначальные смыслы в употреблении этого понятия и их последующих интерпретации в научных и политических текстах.

Терминологический аппарат исследования. Исследователи давно пытаются описать и проанализировать феномен «славянства». Однако, ухватить ускользающую реальность многочисленных «славизмов» удавалось немногим¹⁸. Сложность для исследователя состоит в том, что широко распространенные понятия: «славянская взаимность», «панславизм», «панруссизм», «славянский вопрос» – не имеют однозначного толкования, вызывают разные политические аналогии. Попытки выработать четкую типологию и критерии их употребления не привели к ощутимым результатам¹⁹.

Само понятие «славизмы» более распространено в зарубежных исследованиях, чем в отечественных, где привычнее звучат термины «славянская идея» или «славянская идеология». Тем не менее, под ним подразумевается логически завершенная форма представлений о славянстве, которая могла и не сложиться в цельную идеологическую систему. Его употребление позволяет уйти от обывающего понятия «славянская идеология», если ее не существовало в изучаемом контексте.

---

¹⁸ Первое системное исследование славянской идеологии было проведено А.Н. Пыпиным в книге «Панславизм в прошлом и настоящем» (СПб., 1913). Введенная им типология легла в основу многих трудов, исследующих типы славянской идентичности.

¹⁹ *Павленко О.В.* Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.

Острые общественные и научные дискуссии вызывает понятие «панславизм», которое Л. Снайдер в своей авторитетной «Энциклопедии национализма» характеризовал как «одно из наиболее значительных и ранних проявлений макронационализма в Европе»²⁰. Следует различать смыслы, которые вкладывали в это понятие разнообразные политические силы в XIX – начале XX вв., от последующих историографических интерпретаций. В диссертации используется широкое толкование этого термина. Под ним понимается вся совокупность объединительных общеславянских идей, проектов и движений.

Понятие «славянская взаимность» возникло в конце 1830-х гг. как определение чувства сопричастности индивидуума к исторической, этноязыковой, славянской общности. В отличие от панславизма, оно мало изменилось в общественных и академических дискурсах, сохранив первоначальный смысл.

В 1840-е гг. в общественных дискуссиях сначала в монархии Габсбургов, а затем и в Российской империи появился термин «панрусизм». Под ним понимали проект «русско-славянского мира» во главе с Россией, будь то принятие русского языка как общеславянского или Православия как единого для славян вероисповедания. Сюда же включались различные проекты создания славяно-русской империи или отдельных славянских государств под скипетром Дома Романовых. Нередко «панрусизм» отождествляют с «панславизмом», что приводит к еще большей терминологической путанице и подмене смыслов.

Как известно, в политической лексике XIX в. острые проблемы дипломаты и журналисты определяли, как «вопрось». С 1830–1840-х гг. славянский вопрос стал объектом полемики в европейской публицистике. Особое значение в этих дискуссиях приобретала географическая и историко-культурная принадлежность славянских регионов, расположенных между Востоком и Западом. С середины XIX в. немецкие публицисты стали писать о России как о «Востоке», стране «византизма», а русские, в свою очередь, воспринимали Германию как наиболее яркое воплощение «Запада»²¹.

Геополитические проекции двух противостоявших миров – «российско-славянского» и «латино-германского», а также зажатой между ними монархии Габсбургов быстро распространились не только в политической публицистике, но и в академических изданиях второй половины XIX – начала XX вв. В диссертации показано, что целостного славянского вопроса в европейских делах не существовало. В реальной

²⁰ Snyder L. L. *Encyclopedia of nationalism*. Chicago; London, 1990. P. 209.

²¹ Наиболее подробно развитие этой дихотомии в немецкой политической мысли в XIX в. было исследовано Дитером Гро: *Groh D. Russland im Blick Europas: 300 Jahre historische Perspektiven*. Frankfurt am Main, 1988

политике он распадался на ряд отдельных тем и проектов, нередко порожденных конфликтом интересов больших и малых государств на Балканах и в Центральной Европе.

Источниковая база диссертации. Исследование основано на широком круге источников на русском, немецком, французском, английском, чешском и польском языках. Для раскрытия темы привлекались источники официального, так и личного происхождения.

Неопубликованные источники. Для раскрытия темы были проанализированы фонды из 6 российских архивов и 4 зарубежных архивов Австрии, Чехии, Венгрии и Германии. В хранилище *Архива внешней политики Российской Империи (АВП РИ (МИД РФ))* особое значение имеют документы фонда 146 «Славянский стол». Они раскрывают внутренние механизмы мягкой силы России на Балканах и в монархии Габсбургов, дела частных лиц и общественных организаций. Значительное количество сюжетов связано с поддержкой Православия в монастырях и церквях на Балканах (д. 3799-3858); выдачей пособий (д. 4162-4992; д. 6330-6497), обучением болгарских, сербских, черногорских юношей в российских учебных заведениях (д. 6741-6908, 6909-7264). Особо отметим дела, объединенные общим названием «Покровительство России славянам» (д. 9205-9245). Эти уникальные документы содержат важную статистическую, правовую, финансовую информацию, раскрывают содержание гуманитарного сотрудничества России с зарубежными славянами, преимущественно южными. Документы «Славянского стола» позволяют изучить цели и определить формат славянской политики, ее четкое деление на балканское и австрийское направления. Последнее также представлено документами фонда 172 (Посольства в Вене) и 151 (Политархив). В фонде 137 (Отчеты МИДа) содержатся сведения об острой геополитической конкуренции России и Австро-Венгрии на Балканах. В диссертации проанализированы также документы «Секретного архива министра иностранных дел» (фонд 138), прежде всего связанные с внешнеполитическим планированием в 1910-1914 гг., а также записи секретных переговоров и бесед министра с представителями российской политической элиты и зарубежными дипломатами (фонд 133; фонд 135).

Уникальные документы Канцелярии Обер-прокурора Святейшего Синода (фонд 797) хранятся в *Российском государственном историческом архиве (РГИА)*. В частности, переписка протоиерея Русской Посольской церкви в Вене и общественного деятеля славянофильского направления Михаила Федоровича Раевского (1811-1884) с обер-прокурором Святейшего Синода (впоследствии министром народного просвещения) графом Д.А. Толстым за 1857-1865 гг. На 385 листах раскрываются планы российского правительства по распространению морального влияния России на австрийских и балканских славян;

представлена уникальная карта вероисповеданий зарубежных славян²². В этом же фонде собраны донесения российских представителей о настроениях в среде славянских политиков и интеллектуалов.

В фонде 733 (Департамент народного просвещения) собраны многочисленные свидетельства благотворительности России в славянских землях. Средства поступали в основном по двум каналам: через Святейший Синод и Министерство народного просвещения. Здесь также хранятся скрупулезно собранные современниками разнообразные сведения о положении австрийских и балканских славян, их умонастроениях, восприятии России, личные и общественные инициативы благотворителей.

В *Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)* содержится материалы, которые дополняют представления о жизни царского двора и взаимоотношениях в придворной среде (Фонд 826 В.Ф. Джунковского), а также представлены письма министра внутренних дел, материалы о подготовке празднования 300-летия дома Романовых²³. Не меньший интерес представляет Фонд 541, в котором хранится корреспонденция, сочинения, записки активного поборника панславизма, издававшего журнал «Славянский век» Д.Н. Вергуна.

Особую ценность имеет коллекция документов о деятельности Славянских благотворительных комитетов (прежде всего Московского). В ней содержатся сведения о финансовых средствах, деятельности пророссийских структур в монархии Габсбургов и на Балканах, организации славянского движения во время обострений Восточного вопроса.

В личных фондах *Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ)* представлена интеллектуальная история славяноведения в России. В ходе работы над диссертацией были просмотрены фонды известных ученых и общественных деятелей, имевших многочисленных корреспондентов среди зарубежных славян. Коллекции писем М.П. Погодина, В.И. Ламанского, И.С. Аксакова, И.И. Срезневского, А.Н. Пыпина, Н.А. Попова, В.А. и Г.А. Рачинских²⁴ представляют интерес для исследования эволюции славянской идеи в России. Поскольку большая часть этих документов была уже введена в научный оборот в трудах Л.П. Лаптевой, М.Ю. Досталь, З.С. Ненашевой, Н.И. Цимбаева, Е.А. Аксеновой, в тексте диссертации использовались материалы Ф. 10 (Аксаковы) и Ф. 72 (Блудовы), кото-

²² Письма настоятеля Посольской церкви нашей в Вене, протоиерея Михаила Раевского. Началось 3 июля 1857 г. по 8 марта 1865 г., в архив сдано в 1868 г. // РГИА. Ф. 797 (Канцелярия Обер-прокурора Синода). Отд. 1. Ст. 2. Оп. 27. Д. 224.

²³ ГАРФ. Ф. 826 (Джунковский В.Ф.). Оп. 1. Д. 161. Л. 5–26 об.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 373 (Погодин М. П.). Оп. 1 ; Ф. 427 (Рачинские С.А., В.А., Г.А. и др.). Оп. 1; Неустановленный автор. Восточный вопрос с русской точки зрения // РГАЛИ. Ф. 427 (Рачинские С.А., В.А., Г.А.). Оп. 1. Д. 3484.

рые дают представления об отношении к славянству в среде аристократии, а также содержат разрозненные сведения о деятельности Московского славянского комитета²⁵. Аналогичные материалы представлены также в Фонде 3 (Аксаковы) в *Институте русской литературы (ИРЛИ, Пушкинский Дом)*.

Подробная информация о деятельности Петербургского и Московского отделений СБК представлена также в личных фондах *Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ)*²⁶. Особый интерес вызывает фонд М.Ф. Раевского, в котором содержится его дневник и записки о помощи австрийским славянам²⁷.

В австрийском *Haus-Hof-und Staats Archiv* (Придворном, Государственном и Дома Габсбургов Архиве) (*HHSA, Вена*) были исследованы материалы, раскрывающие внешнеполитические интересы Австрии на Балканах и взаимоотношения с балканскими славянами. В фонде «Политический Архив» представлена дипломатическая переписка с австрийским посольством в Санкт-Петербурге. Особый интерес вызывает «Секретный фонд министра иностранных дел», в котором собраны ценные сведения о развитии панславизма в России, наблюдений за деятельностью так называемой «славянской партии» в Москве и Санкт-Петербурге и ее взаимоотношениях с австрийскими славянами.

В литературном Архиве национальной письменности (*Literární Archiv Národního Pisemnictví – LA PNP, Прага*), который по праву считается крупнейшим хранилищем личных фондов в Чехии, представлены материалы о политиках, журналистах, интеллектуалах, их взаимоотношениях с богемскими немцами, высшей австрийской аристократией, российскими общественными деятелями. На основе обширной корреспонденции и рукописей можно реконструировать про-

---

²⁵ Речь председателя Московского славянского благотворительного общества И.С. Аксакова на общем собрании членов Общества по поводу пересмотра Сан-Стефанского договора на Берлинском конгрессе // РГАЛИ. Ф. 1571 (Аксаковы С. Т., И. С., К. С.). Оп. 1. Д. 2015.

²⁶ *Раевский М.Ф.* Отчеты его Московскому и Петербургскому отделениям Славянского Благотворительного Комитета. 1869–1877 // ОР РНБ. Ф. 608 (Помяловский И. В.). Оп. 1. Д. 3361; Ф. 182 (Гильфердинг А. Ф.). Оп. 1. Д. 10, 14, 16, 21, 27; Ф. 850 (Шевырев С.П.). Оп. 1. Д. 120; Ф. 120 (Бычковы А.Ф., И.А.). Оп. 1. Д. 547; *Раевский М.Ф.* 43 письма Ламанскому, 1861–1880, Вена // ОР РНБ. Ф. 608 (Помяловский И. В.). Оп. 1. Д. 3387.

²⁷ *Раевский Михаил Федорович*, протоиерей Посольской церкви в Вене. Дневник (октябрь–декабрь 1848 г. – февраль 1850–декабрь 1854) // ОР РНБ. Ф. 627 (Раевский М. Ф.). Д. 1; *Раевский М.Ф.* Какими средствами Россия может действовать с пользой для себя на славян. Записка, апрель 1864 // Там же. Д. 4.

цессы формирования коллективной идентичности и исследовать роль славянского фактора в чешском движении.

Архив Национального Музея – Archiv Národního Musea (ANM, Прага), как и пражский Литературный архив, содержит фонды чешских политиков, в частности, Франтишека Ригера. Его политический тандем с Франтишком Палацким был скреплен семейными узами: Ригер был женат на дочери Палацкого. Семейная переписка членов этой влиятельной чешской семьи является ценным источником о внутренних течениях в чешской и австрийской политике²⁸.

Документы *Национального Архива Венгрии – National Archives of Hungary* (Ф. 296. Министерства полиции в Прессбурге) содержат статистические данные о национальной принадлежности славянских патриотов.

Опубликованные источники представлены как материалами официального происхождения (дипломатическими документами; статистическими данными; правительственными распоряжениями), так и личного (научными и публицистическими сочинениями, историософскими трактатами, мемуарами, дневниками и корреспонденцией).

Публицистика и труды российских авторов о славянстве и славянской взаимности. Основной корпус опубликованных источников составляют политическая публицистика, историософские сочинения, академические исследования, принадлежащие перу нескольких поколений интеллектуалов, вовлеченных в острые дискуссии о русско-славянском мире и будущем России. Среди них как искренние сторонники панславизма (И.С. Аксаков, М.П. Погодин, М.Н. Катков, В.Н. Вергун, Ф.И. Свистун, Н.П. Аксаков), так и убежденные его противники (А.Н. Пыпин, Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен, Н.И. Кареев, П.Н. Милоков, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев)²⁹. В изучаемый период славянский дискурс был одним из наиболее значимых в политической мысли России.

Публицистические и историософские сочинения в монархии Габсбургов. В этот раздел источников вошли тексты, написанные мыслителями, учеными, публицистами, политиками в тот период, когда разворачивались бурные дискуссии вокруг панславизма, роли России, славянского вопроса в монархии Габсбургов. Из огромного круга по-

²⁸ ANM. Poz. Frant. Lad. Riegra. F. 1078.

²⁹ *Кареев Н.И.* Славянское возрождение, панславизм и мессианизм // История Западной Европы в новое время / Н. Кареев. 2-е изд. СПб. 1903. Т. 5. С. 395–421; *Милоков П.Н.* Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев: [публичная лекция, чит. 22 янв. 1893 г. в аудитории Исторического музея]. М., 1893; *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб. 1913; *Соловьев В.С.* Славянофильство и его вырождение // Национальный вопрос в России / В. Соловьев. 3-е изд. СПб. 1891. Вып. 2. С. 30–121

добной литературы были выбраны сочинения, повлиявшие на развитие национальной идеологии и общих ценностей австрийских славян (Я. Коллар, Л. Штур, К. Гавличек, Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Т.Г. Масарик, К. Крамарж)³⁰. Как уже отмечалось, основное внимание в диссертации было уделено источникам на чешском языке, поскольку именно чехи на протяжении изучаемого периода пытались объединить разрозненные движения австрийских славян на основе общей платформы. Другую группу составляют антиславянские и антироссийские сочинения, которые активно публиковались в австро-немецкой либеральной публицистике (Й.Ф. Фаллмерайер, Й.Ф. Шлоссер, А. Краус)³¹.

Периодические издания. Большой объем материалов содержится на страницах периодических изданий на русском, чешском и немецком языках. Пресса была и остается наиболее изученным источником по истории общественной мысли XIX – начала XX вв. В последнее время интерес к российским течениям консерватизма возрос, соответственно внимание исследователей привлекают издания «катковского направления»³² - газета «Московские Ведомости» и журнал «Русский Вестник», широко освещавшие славянский вопрос.

«Патриотическая печать» (так называли себя в середине XIX в. чешские периодические издания) играла важную роль в воспитании национальных чувств. Журналисты глубоко осознавали свое «апостольское призвание» и имели высокую репутацию в обществе³³. Осо-

³⁰ *Masarik T. G.* «О новославизме» // Речь. 1908. 24 декабря (№ 317); *Штур Л.* Славянство и мир будущего: послание славянам с берегов Дуная. М., 1867; *Havlíček K.* Epištoly Kutnohorské a vybrané články politické. Praha, 1906.; *Idem.* Cestou do Haliče // Národní Noviny. 1848. 5. května (č. 26); *Kollár J.* O literární vzájemnosti mezi rozličnými kmeny a nářečími slovanského národu. Praha, 1853; *Kramář K.* Na obránu slovanské politiky. Praha, 1926; *Rieger F. L.* Řeči Dra Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Praha, 1884. D.2: Z let 1861–1862; *Františka Palackého spisy drobné / uspoř. B. Rieger.* Praha, 1898. D.1: Spisy a řeči z oboru politiky. S. 28–32.

³¹ *Kraus A.* Böhmisches nebo Tschechisch? // Naše doba. 1917. Roč. 24, č. 5 (únor). S. 341–348; č. 6 (březen). S. 429–436; *Schlosser J. F. H.* Die morgenländische orthodoxe Kirche Rußlands und das europäische Abendland. Heidelberg, 1845; *Fallmerayer J. Ph.* Gesammelte Werke. München, 1861. Bd.2: Politische und culturhistorische Aufsätze; *Thun L.* Die Stellung der Slowaken in Ungarn. Prag, 1843

³² *Котов А.Э.* Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х-1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение : автореф. дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2016. 51 с. См. также: *Перевалова Е.В.* Славянская тематика в журнале М.Н. Каткова «Русский Вестник» в 1860-1870-е гг. // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2015. № 4. С. 48–56.

³³ *Heller S.* Z minulé doby našeho života národního, kulturního a politického: upomínky a zápisky. Praha, 1916. Sv. 1. S. 93.

бое внимание в диссертации было уделено материалам *Národní listy* (Народни Листы) – наиболее влиятельной газеты младочешского направления и старочешской газеты *Národ* (Народ).

Материалы австро-немецкой прессы представлены газетами и журналами общественно-политической и развлекательной направленности, публиковавшие сведения о России с 1805 по 1848 гг.³⁴ В диссертации также использовались материалы австрийской прессы второй половины XIX в. (*Neue Freie Presse*; *Das Vaterland: Zeitung für die österreichische Monarchie*).

Для раскрытия темы исследования представляют особый интерес материалы журнала «Славянский век» (1900–1904 гг.), который издавался в Вене под редакцией Д.Н. Вергуна. На страницах этого журнала панславистской направленности разворачивались острые дискуссии, проводился подробный анализ культурных и образовательных учреждений каждого из славянских народов³⁵.

Дневники и мемуары. Большинство мемуаров, использованных в диссертационном исследовании, принадлежит представителям высшего общества: председателям Совета министров П.А. Столыпину (1906–1911) и В.Н. Коковцову (1911–1914); министрам иностранных дел В.Н. Ламздорфу (1900–1906) и А.П. Извольскому (1906–1910), военному министру В.А. Сухомлинову (1909–1915)³⁶, а также начальнику канцелярии министерства императорского двора А.А. Мосолову (1900–1916), вел. кн. Александру Михайловичу, фрейлине императрицы А.Ф. Тютчевой, дочери поэта и дипломата Ф.И. Тютчева и жене И.С. Аксакова.

Большинство мемуаров было написано после крушения Российской империи. Каждый из царских чиновников с ностальгией и болью описывал последнее царствование, пытался осмыслить и оправдать собственные действия. Во всех мемуарах в подробностях описывается жизнь петербургского двора, настроения, группы влияния в среде

---

³⁴ *Marinelli-König G.* Rußland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848): ein Beitrag zur Geschichte der österreichisch-russischen Kultur- und Literaturbeziehungen. Wien, 1990.

³⁵ См. подробнее: *Болдин В. А.* Рупор «нового славянского мировоззрения»: журнал «Славянский век» (1900–1904 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 1. С. 1–8; *Фоминых С.Ф.* Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов / С. Ф. Фоминых, В.П. Зиновьев // Русин. 2015. № 1 (39). С. 83–94.

³⁶ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: воспоминания, 1911–1919. М., 1991; *Ламздорф В.Н.* Дневник, 1894–1896: пер. с фр. М., 1999; *Столыпин Д. А.* Из личных воспоминаний о Крымской войне // Русский архив. 1874. № 5. Т. 1. С. 1358–1374; *Извольский А.П.* Воспоминания. Минск, 2003; *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Минск, 2005.

высшей аристократии, приводятся дословные высказывания императора, хотя проверить их достоверность довольно сложно. Безусловно, этот тип источников, отшлифованный временем и личным опытом авторов, содержит уникальные сведения о том, что происходило за кулисами большой политики, но нуждается в привлечении дополнительных сведений.

Интерес вызывают воспоминания канцлера Отто фон Бисмарка, достаточно хорошо известные историкам, особенно его оценки перспектив и рисков российско-германских отношений и роли Австро-Венгрии в тесном переплетении имперских интересов³⁷. Представление о настроениях при венском дворе отчасти дают мемуары генерал-фельдмаршала, начальника Главного штаба Конрада фон Хетцендорфа (1906–1911; 1913–1918), который пользовался особым доверием наследника престола Франца Фердинанда, не скрывавшего своей славянофобии и рассчитывавшего на победоносную войну³⁸. Воспоминания руководителя германской разведки В. Николаи и начальника нелегальной разведки России Ю.И. Дроздова позволяют существенно дополнить знания о том, как нарастало недоверие и противостояние между Россией и Австро-Венгрией³⁹.

В дневниках, напротив, гораздо откровеннее отражена позиция автора к происходящим событиям. Большую ценность представляет дневник министра внутренних дел П.А. Валуева (1861–1868)⁴⁰, в котором содержатся сведения о первом в России Славянском съезде 1867 г. В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского за 1873 и 1876 гг. приводятся размышления о славянской миссии России⁴¹. В нем отразились мысли и чувства, которыми было наполнено российское общество во время Восточного кризиса.

Корреспонденция. Ценные сведения содержатся в переписке Николая I с генерал-фельдмаршалом графом И.Ф. Паскевичем во время европейских революций 1848-1849 гг., опубликованной в журнале «Русская старина»⁴². Не менее важные сведения можно почерпнуть в издании корреспонденции Александра II со своим братом вел. кн. Константином в конце 1850-х гг., осуществленном историками Л.Г. Заха-

³⁷ Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания: в 3 т. М., 1940–1941.

³⁸ *Conrad von Hötendorf F.* Aus meiner Dienstzeit, 1906–1918. Wien [et al.], 1921–1922. Bd. 1, 3.

³⁹ *Николаи В.* Тайные силы: записки руководителя германской разведки и контрразведки периода Первой мировой войны Вальтера Николаи. М., 2015.

⁴⁰ *Валуев П.А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961.

⁴¹ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1873 и 1876 годы. М.; Л., 1929.

⁴² [Николай I – И. Ф. Паскевичу, 1848 г.] // Русская старина. 1904. Т. 118. Апрель. С. 35–63; Май. С. 265–290.

ровой и Л.И. Тютюнником⁴³. Стоит отметить высокое качество археографической обработки и научные комментарии составителей. Для реконструкции личных и профессиональных взаимоотношений между российскими и славянскими деятелями использовались крупные эпистолярные публикации: корреспонденции Ф.И. Тютчева⁴⁴, его зятя И.С. Аксакова⁴⁵, чешского общественного деятеля и русофила Карла Яромира Эрбена⁴⁶, а также семейная переписка лидера чешского движения Франтишка Палацкого с дочерью Марией и зятем Франтишком Ладиславом Ригером⁴⁷.

Дипломатические документы. В 1870–1890-е гг. юрист-международник Ф.Ф. Мартенс, член Совета Министерства иностранных дел России, осуществил фундаментальное издание дипломатических документов в 15 томах. В них раскрываются двусторонние контакты России с великими державами – Австрией, Германией, Англией и Францией. Первые четыре тома охватывают дипломатию России и монархии Габсбургов с 1648 г. по 1878 г.⁴⁸ Эта публикация заложила основу изучения российско-австрийских отношений и многократно использовалась исследователями. Определенный и интерес представляет юбилейный сборник, изданный в 1881 г. в честь канцлера А.М. Горчакова, содержащего документы по отмене Парижского трактата 1856 г., Восточного кризиса и русско-турецкая война 1877–1878 гг.⁴⁹

История дипломатической борьбы за Проливы, которую вел царский МИД раскрывается в публикациях «Красного Архива», осуществленных большевика после падения монархии Романовых⁵⁰. Впо-

⁴³ Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861. Дневник великого князя Константина Николаевича [1858–1861] : сборник. М., 1993.

⁴⁴ Благой, Д. Д. Из материалов о Ф. И. Тютчеве: (письма к М. П. Погодину) // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 383–392.

⁴⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой. М., 2003–2004. 3 т.

⁴⁶ *Erben K. J. Slovanská korespondence Karla Jaromíra Erbena: korespondence s cizími korespondenty / k vyd. přípr. V. Bechyňová, J. Jirásek. Praha, 1971*

⁴⁷ *Příspevky k listáři Dra Frant. Lad. Riegra / sebr. J. Heidler. Praha, 1924. D. 1 : Z let 1836 až 1871.*

⁴⁸ Особый интерес вызывает Т. 4, часть 1 (1815–1849) и часть 2 (1849–1878); *Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами.* СПб., 1874–1909. 15 т.

⁴⁹ Сборник, изданный в память двадцатипятилетия управления Министерством иностранных дел государственным канцлером светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова. 1856–1881. СПб., 1881

⁵⁰ Константинополь и проливы // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 57–58; *Нелидов А.И.* Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов // Красный

следствии источниковая база была существенно дополнена фундаментальной публикацией дипломатических документов⁵¹. Особое внимание в диссертационном исследовании было уделено уникальному изданию «Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны», в котором собраны документы, позволяющие с высокой степенью достоверности делать выводы о целях, мотивах, интересах внешней политики России накануне и во время Первой мировой войны⁵².

Статистические и финансово-экономические материалы. Изучение экономических вопросов не входило в задачи данного исследования, но в текст были включены сюжеты, позволяющие дополнить представление об экономических мотивах принятия тех или иных решений. Важно было понять, какие экономические интересы включались в геополитические стратегии и воздействовали на общественные устроения. Для изучения этих вопросов были привлечены экономико-статистические материалы, обзоры развития железнодорожного сектора, статистические сборники по внешней торговле⁵³. Из зарубежных источников были привлечены сборники статистических сведений по денежно-кредитным операциям и внешней торговле, собранные английским экономистом М. Малхоллом⁵⁴, а также отдельные издания по экономической статистике европейских государств.

Помимо видовой классификации источников, были выделены также три группы источников, объединенных конкретной тематикой: *«Монархия Габсбургов в российских изданиях в XIX – начале XX вв.»*⁵⁵; *«Документы по презентациям власти в России и монар-*

архив. 1931. Т. 3 (46). С. 179–187; Царское правительство о проблеме проливов в 1898–1911 гг. // Красный архив. 1933. Т. 6 (61). С. 135–140

⁵¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы российского Министерства иностранных дел. М., 1960–1985. 14 т.

⁵² Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сборник документов. Тула, 2014. 957 с.

⁵³ *Безобразов В.П.* Народное хозяйство России: Московская (центральная) промышленная область. СПб., 1882–1889; *Его же.* О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. М., 1863–1864; *Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия: история – статистика. СПб., 1882. Т. 2; *Гливиц И.Б.* Железная промышленность в России. СПб., 1911

⁵⁴ *Mulhall M.G.* Industries and wealth of nations. London; New York, 1896; *Mulhall, M. G.* The dictionary of statistics. London, 1886.

⁵⁵ Австрия, ее военное положение в Италии // Библиотека для чтения. 1859. Т. 155. № 5. С. 1–17; Австрия и ее военное могущество в Италии // Отечественные записки. 1859. Т. 124. Отд. 1. № 5. С. 213–236; *Бушен А.Б. фон.* Обзор административной статистики Австрии // Журнал Министерства внутренних дел. 1860. Ч. 44. Кн. 10. С. 19–68; Военная статистика Австрийской империи // Военный журнал. 1841. № 6. С. 21–140.

хии Габсбургов в XIX – начале XX вв.»⁵⁶; «Документы и материалы по мемориализации памяти о Крымской войны в Российской империи»⁵⁷. В соответствии с задачами исследования в каждую группу были включены источники разного происхождения: официальные документы, популярные издания для семейного чтения, мемуары, художественные произведения, беллетристика, памятные альбомы, путеводители, музейные каталоги и т.д. Их многообразии свидетельствует о масштабной исторической политике в Австро-Венгрии и России, направленной на укрепление основ имперской нации. Таким образом, опубликованная база источников была сгруппирована по видовым и тематическим параметрам и составляет 330 наименований документов,

⁵⁶ В память освящения собора Св. Владимира и открытие памятника императору Николаю I. Киев, 1896. С. 40–47; *Иванов Н.А.* Столетие Бородинской битвы. 1812–1912. Одесса, 1912; Киевский собор св. Владимира и работы в нем В. М. Васнецова и М. В. Нестерова // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» на 1896 г. за январь, февраль, март и апрель. СПб., 1896. С. 577–588; Императорский Московский Исторический музей: альбом фототипий. М., [19--]. 22 л.; Franz Joseph I. und seine Zeit: cultur-historischer Rückblick auf die Francisco-Josephinische Epoche...: Gedenkbuch zur Jubelfeier / hrsg. von J. Schnitzer. Wien; München, 1898. 2 Bd.; *Henop C.* Jubiläumsjahr 1898. Ein Gedenkbuch an die humanitären und festlichen Veranstaltungen aus Anlass des 50. jährigen Regierungsjubiläums Sr. Majestät des Kaiser Franz Josef I. am 2. Dezember 1898. Wien, 1898. Bd. 1; Jubiläums-Ausstellung Wien 1898 / hrsg. von J. Laurencic. Wien, 1898. 42 Bl.; *Smolle L.* Das Buch von unserem Kaiser, 1848–1888: Festschrift aus Anlass des 40 jährigen Jubiläums Seiner Majestät des Kaisers Franz Joseph I. Wien, 1888. 240 S.; *Idem.* Fünf Jahrzehnte auf Habsburgs Throne, 1848–1898: Festschrift aus Anlass des fünfzigjährigen Regierungsjubiläums Seiner Majestät des Kaisers Franz Joseph I. Wien, 1898. 242 S.; *Idem.* Kaiser Josef II: Gedenkschrift zur Feier seiner 100-jährigen Thronbesteigung 29. November 1880: für das Volk und die Jugend Österreichs. Wien, 1880.

⁵⁷ Всеобщее ополчение России за Веру, Царя и Отечество, или Русские ратники во времена императора Александра I и ныне царствующего императора Александра II. М., 1855; *Толстой Л.Н.* Севастополь в августе 1855 года // Современник. 1856. № 1. С. 71–122; *Его же.* Севастополь в декабре месяце // Там же. 1855. № 6. С. 333–348; *Парский Д.П.* Памятники Севастопольской обороны. Одесса, 1901; Рассказ Павла Алексеевича о войне с Турцией, Англией и Францией и кое-что об Индии и Китае. СПб., 1854; *Рагинский А.В.* Походные письма ополченца из Южной Бессарабии, 1855–1856 г. М., 1858; Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: сборник, издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея / под ред. Н. Дубровина. СПб., 1871–1874. 4 вып.; Исторический каталог Музея Севастопольской обороны. 3-е изд., испр. и доп. к 1 октября 1910 г. СПб., 1911. 188 с.; Исторический каталог Музея Севастопольской обороны. 4-е изд., испр. и доп. к 1 ноября 1913 г. СПб., 1914.

часть которых впервые вводится в научный оборот отечественной историографии.

Научная новизна диссертационного исследования. Впервые в отечественной историографии были обобщены результаты исследований панславизма в России и Европе, реконструирована история этого понятия и предложена систематизация референтных моделей. Доказано, что российский МИД вплоть до Первой мировой войны не рассматривал планы разрушения Австро-Венгрии и создания всеславянской империи.

В диссертации был проведен комплексный анализ австрийского и балканского векторов славянской политики России, исследована динамика вовлеченности российского общества в славянское движение и его тесная взаимосвязь с процессами формирования коллективной идентичности.

На значительном объеме источников удалось реконструировать историю российско-австрийских отношений в широком хронологическом диапазоне. Впервые в отечественной историографии выделены, уточнены и проанализированы этапы взаимодействия двух государств, раскрыта диалектика их взаимных и конфликтных интересов, а также влияние на них славянского фактора.

Научная новизна диссертационного исследования состоит также в комплексном изучении отечественной и зарубежной историографии более чем за сто лет. Обобщены концепции и методологии в изучении природы власти в монархии Габсбургов и России, эволюции славянской идеологии и движений, внешней политики и политической культуры. Комплексный подход позволил преодолеть разрывы в историографических описаниях и осмыслить логику и результаты исследований в советской / российской, англо-американской, австрийской, немецкой, чешской, словацкой и отчасти – польской и венгерской историографиях.

Выносимые на защиту положения отражают концептуальные результаты проведенного исследования:

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Крымская война 1853–1856 гг. стала рубежом в российско-австрийских отношениях. Был не только разрушен консервативный союз двух империй, обеспечивавший стабильность в Европе, но и задан новый формат их дипломатическим стратегиям. В то же время дуализм соперничества и сотрудничества позволял Петербургу и Вене длительное время находить компромиссы в кризисных ситуациях, несмотря на нарастание противоречий в славянском вопросе и обострение геополитической конкуренции на Балканах.

2. Символическое пространство монархии Габсбургов было проникнуто идеей «идеальной имперской власти», возвышавшейся над

национальными, политическими и религиозными силами. Австро-Венгрия представлялась как прибежище малых народов в Центральной Европе и на Балканах – общий дунайский дом.

3. Славянская политика России имела два направления – балканское и австрийское. С 1860-х гг. приоритет отдавался балканским славянам. В монархии Габсбургов дальше мягкой силы российские интересы не простирались. Материальная и моральная поддержка была достаточно скромной по сравнению с масштабным финансированием российской помощи на Балканах. Конкретных проектов создания всеславянской империи или раздела австро-венгерского наследия МИД России вплоть до Первой мировой войны не рассматривал.

4. Панславизм представлял сложное макронациональное явление, порожденное процессами формирования коллективных идентичностей модерна. Панслависты в России, Центральной Европе и на Балканах расходились в понимании целей и образа будущего, реализации политических программ и восприятию России, Австро-Венгрии и других европейских государств. Как бы ни желали его адепты, панславизм так и не стал реальным геополитическим проектом ни одной из славянских наций.

5. Тесное слияние интеллектуального и политического в исторических контекстах XIX–XX вв. всегда создавало особую эмоциональную напряженность в национальных сообществах историков. Динамика концептуальных трансформаций по теме «Россия и славяне» до настоящего времени во многом определяется актуальными интересами.

Научно-практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость работы состоит в новой постановке темы, дальнейшей разработке комплексного подхода к изучению славянской проблематики, применении новых междисциплинарных методов, уточнении понятийного аппарата исследования, проведении масштабного историографического исследования и сопоставлении его результатов с актуальными тенденциями развития исторической памяти современных обществ, расширении базы источников и их новой интерпретации.

Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах для студентов, специализирующихся по зарубежной и отечественной истории, истории международных отношений, а также будут полезны студентам – культурологам, международникам, политологам и филологам.

Апробация результатов исследования прошла на крупных отечественных и зарубежных конференциях, а также в рамках работы Российско-Австрийской и Российско-Словацкой комиссий историков, в результате публикации выводов диссертации и ее основных положений в авторитетных научных изданиях России. По теме исследования

было опубликовано 17 научных статей в научных периодических изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, а также в международные наукометрические базы данных; 46 научных публикаций в иных 32 научных изданиях, из которых 7 были представлены в авторитетных изданиях Австрии, Германии, Чехии и Польши. По теме диссертации автором осуществлена серия докладов на всероссийских и международных конференциях. По теме исследования было издано 62 публикации.

Структура диссертации определяется выдвинутой концепцией и методологией исследования и состоит из введения, шести глав, заключения, списка источников и литературы. В основу структуры положен проблемно-хронологический принцип.

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, определяются предмет и цель исследования, формулируются задачи, дается обоснование хронологического и пространственного формата, описывается терминология исследования, дается характеристика методологии и специфики источниковой базы, выделяется научная новизна и практическая значимость диссертационного исследования.

Первая глава «Изучение славянского фактора в отечественных и зарубежных исследованиях» посвящена анализу российской и зарубежной историографий. Исследуется эволюция понятий и концептуальных объяснений, степень политической актуализации и интеллектуальных взаимовлияний между национальными сообществами историков от межвоенного периода до современности.

Вторая глава «Зарождение панславизма и славянского вопроса в Российской и Австрийской империях в 1830–1840-е гг.» охватывает период Священного Союза, соблюдавшего консервативный порядок Венской системы. В ней рассматривается генезис панславизма и славянофильства, негативные рефлексии в австро-немецкой публицистике, первые опыты Православной миссии России в землях австрийских славян и контакты с ними российских представителей.

В третьей главе «Славянский фактор в формировании коллективной идентичности и внешней политики Российской империи и монархии Габсбургов в 1850–1860-е гг.» рассматриваются формирование имперских наций в России и монархии Габсбургов, а также процессы кристаллизации славянских сообществ. Второй раздел посвящен Крымской войне, сыгравшей ключевую роль в трансформации мирового порядка и новой коллективной идентичности России. Последовательно рассматривается генезис ее славянской политики и эволюция имперского панславизма. В пятом разделе анализируется дискуссии о

панславизме и русофильстве в среде чешских политиков, претендовавших на лидирующую роль среди славян монархии Габсбургов.

В четвертой главе «Геополитическая конкуренция России и Австро-Венгрии в славянском вопросе во второй половине XIX – начале XX вв.: внешнеполитические и общественные аспекты» исследуются факторы, определявшие динамику и качество российско-австрийских отношений. Славянский вопрос в изучаемый период распадался на проблемы, связанные с положением славян в монархии Габсбургов и Восточный вопрос. Во втором разделе уточнены фазы соперничества и сотрудничества между Россией и Австро-Венгрией, сравниваются внешнеполитические стратегии, возможности и ресурсы их влияния на балканских славян. В третьем разделе анализируется славянское благотворительное движение в России, его инфраструктура, направления деятельности, источники финансирования.

В пятой главе «Славянский вопрос в политической культуре России и Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX вв.» проведено сравнительное исследование политической культуры в двух империях на основе сопоставления репрезентаций имперской власти и общегражданской лояльности. Особое внимание уделено изучению славянских дискурсов в политической мысли России и Австро-Венгрии.

В шестой главе «Славянский вопрос и кризис российско-австрийских отношений: от сближения к противостоянию и распаду монархий (1897-1917 гг.)» проанализировано нарастание кризиса во взаимоотношениях между Веней и Петербургом, усиление недоверия и противостояния в среде высшей военной и государственной элиты двух стран, исследованы взлет и падение неославизма как общеславянского проекта в Австро-Венгрии и России.

В заключении подведены основные итоги диссертационного исследования.

Проведенное исследование позволило выявить, реконструировать и обосновать логику компаративного и комплексного подходов к изучению внешней политики и политической культуры многосоставных государств. Полученные результаты позволили прийти к следующим выводам.

Первое. Двусторонние отношения между Россией и монархией Габсбургов представляли сложный многоуровневый процесс и сочетали как конфликтные, так и партнерские тенденции. Дипломатический диалог велся в широком диапазоне - от заверений в дружбе до военных угроз и шантажа, которые неоднократно приводили на грань войны в начале XX в. Наступательная агрессивность сменялась прагматизмом и осторожностью с обеих сторон, хотя национальные фобии никуда не уходили. Но проявление доброй воли к прагматичному сотрудниче-

ству открывало возможности для поиска компромиссов в урегулировании сложных и запутанных ситуаций. Дуализм соперничества и сотрудничества пронизывал всю ткань российско-австрийских отношений: от политики и дипломатии до экономики, культуры и общественных взаимовосприятий.

На отдельных этапах каждая из сторон использовала славянский фактор на ценностном и геополитическом уровнях. Соперничество между Россией и монархией Габсбургов проявлялось как столкновение двух парадигм славянского вопроса при кардинальном различии целей и задач. Обе державы все глубже вовлекались в балканский водоворот, воспринимая друг друга как препятствие на пути к достижению «великих национальных интересов». Геополитические циклы развивались между ними в относительном равновесии. К началу XX в. их ресурсы и зоны влияния в Восточном вопросе достигли стратегического баланса, хотя балканский маятник раскачивался все сильнее. Но внешние и внутренние обстоятельства вынуждали искать консенсус. Вплоть до июльского кризиса 1914 г. Россия и монархия Габсбургов могли найти компромисс даже в самых острых геополитических конфликтах.

Несмотря на то, что все без исключения венские правительственные кабинеты с большим подозрением воспринимали панславистские настроения, которые периодически вспыхивали в России, можно констатировать, что у Петербурга не было ни одного конкретного плана относительно земель австрийских славян. Основной интерес был сосредоточен на вопросе о контроле над Проливами и Константинополем. Он проходил красной нитью в переговорном процессе с великими державами на протяжении всего изучаемого периода, включая Первую мировую войну вплоть до февраля 1917 г. Только во время Первой мировой войны стали обсуждаться возможные варианты послевоенного устройства при распаде монархии Габсбургов (объединение польских земель под эгидой России и создание южнославянского государства во главе с Сербией). Правда, этот сюжет уже выходит за хронологические и тематические рамки представленной диссертации и нуждается в более полном и детальном рассмотрении.

Второе. В ходе диссертационного исследования было выявлено, что уже на стадии генезиса (1830–40-е гг.) сложилось несколько линий развития общеславянских идей, которые со временем превратились в референтные модели, заряженные эмоциональной энергией своих адептов и обладавшие значительными символическими и общественными репрезентациями.

Основные три модели панславизма были созданы сторонниками славянской взаимности в России, монархии Габсбургов и на Балканах. Под влиянием геополитических потрясений они обрастали новыми историческими обоснованиями, вызывая все больший обществен-

ный резонанс. Их объединял ряд общих признаков: представление об исторической миссии славян; общеславянское воображаемое пространство; понимание необходимости коллективной солидарности; противопоставление «славянского мира» либо Европе, либо «германо-протестантскому / католическому миру».

В диссертационном исследовании были подробно изучены первые две модели: российский панславизм и «всеславянство» в монархии Габсбургов. Третья форма панславизма, созданная на Балканах, не была объектом данного исследования и нуждается в более глубоком изучении. Принципиальное различие между первыми двумя моделями заключается в том, что в российском варианте акцент делался на общие ценности и принципы славянской солидарности, а в «австрийском» (условное название) – на «разнообразии в гармонии». Фактически все славизмы, распространенные среди австрийских славян и нацеленные на общеславянский формат, категорически исключали любую форму унификации.

Стоит четко отличать панславистские представления от различных региональных проектов славянской интеграции. Наиболее крупные из них – австрославизм; австрофедерализм; неославизм в значительной степени были ориентированы на всех славян монархии Габсбургов. Другие варианты – югославизм; чехословакизм; польский мессианизм имели ограниченный, национально-региональный формат, лишь опосредованно могли соотноситься с панславизмом.

Наконец, выделяется еще одна модель панславизма, созданная австро-немецкой либеральной публицистикой. Речь идет о фантоме панславизма, который быстро распространился в европейском общественном мнении и впоследствии прочно вошел в западные исследования как историографическое клише. Этот мнимый панславизм был порожден негативной рефлексией на усиление России и подъем славянских движений в Европе. Итак, на протяжении XIX – начала XX вв. выдвигались различные проекты будущего славянских народов, но не было единой, объединительной платформы, которая бы соответствовала национальным амбициям и прагматичным потребностям каждого из славянских народов.

Третье. Российский панславизм представлял совокупность разнообразных, зачастую прямо противоположных представлений о славянском мире, поэтому некоей общей модели «русского панславизма» не существовало. Панславизм зарождался в России на основе славянофильского постулата о генетической и историко-культурной взаимосвязи «русского» и «славянского».

В наиболее завершенной форме был разработан интеллектуалами из среды консерваторов – государственников «имперский панславизм». Под влиянием Крымской войны российская консервативная

мысль перестала отождествляла себя с Европой, а создавала собственное воображаемое пространство «славянского мира», ядром которого мыслилась Россия. Выдвигались различные варианты – от образа Великой российской-славянской империи до более умеренных вариантов «культурного» / «литературного панславизма», ориентированных на продвижение русского языка как общеславянского и принятие Православия как общего вероисповедания. Все объединительные проекты вливались в мощный славянский дискурс политической мысли России. Либеральные, консервативные и радикальные подходы сталкивались вокруг понимания власти и общества, патриотизма и миссии России в мире. По сути, панславизм не имел определяющего значения в бурных спорах о российских ценностях. Скорее, он служил идеологическим стимулом, необходимым для того, чтобы понять, что должно составлять основу российской идентичности и государственности.

Четвертое. С 1860-х гг. в России стала формироваться славянская политика в парадигме «защиты и покровительства всех угнетенных славянских народов». Два ее направления – австрийское и балканское существенно различались по целям, методам, идеологическому обоснованию и масштабам финансирования. Поддержка балканских славян (финансовая, образовательная, религиозная, гуманитарная, военная) осуществлялась на системном уровне и имела значительные объемы как государственного финансирования, так и в формах пожертвований – от церковных кружечных сборов до личных вкладов благотворителей. В отношении австрийских славян дальше мягкой силы государственные интересы не простирались. Благотворительная помощь и поддержка оказывалась в значительно меньших объемах, чем на Балканах. Российский МИД строго следил, чтобы благотворительность и контакты со славянами в Австро-Венгрии оставались умеренными и сдержанными.

Во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Австро-Венгрии была создана разветвленная сеть культурно-просветительских обществ, объединявшая представителей австрийских славян. В основном их деятельность была ориентирована на изучение русского языка и культуры, укрепление связей с Россией, предоставление стипендий для нуждавшихся студентов. При этом политическая повестка исключалась. Финансирование, весьма скромное, осуществлялось через Славянские благотворительные комитеты (СБК) и подлежало строгой отчетности. Отдельно оказывалась поддержка редакциям журналов панславистской направленности. В МИД России поступали регулярные сведения о настроениях австрийских славян, их политических предпочтениях и взаимоотношениях между отдельными национальными группами. Никаких иллюзий о безусловном русофильстве в монархии Габсбургов российские дипломаты не испытывали. Было предельно

ясно, что фактор России был важен для австрийских славян в их борьбе за полноценный статус в монархии Габсбургов.

Пятое. Сравнительный анализ политической культуры России и монархии Габсбургов позволяет сделать вывод о двух разных проектах коллективной идентичности. Россия после эпохи Великих реформ пошла по пути усиления «политической религии» в сфере государственной идеологии. Эта тенденция изменила российский проект, дополнив его консервативным историзмом и образами «народной монархии». Австрийская государственность развивалась в другом направлении, уступая конституционным и парламентским инициативам, постоянно находясь в поиске компромисса и создавая иллюзии высоких ожиданий.

Габсбургский миф, претерпевший значительные изменения в течение XIX – начала XX вв. в., обрел в поздней империи универсальную формулу. Австро-Венгрия представлялась как прибежище и защита всех малых народов в Центральной Европе и на Балканах – общий дунайский дом, где каждый рано или поздно получит удовлетворение своих прав и потребностей. Австрийская пропагандистская машина достаточно преуспела в формировании коллективных ожиданий. Вера в общее государство была подорвана только во время Первой мировой войны.

Если в монархии Габсбургов государственная идеология была нацелена на персонификацию образа императора Франца Иосифа как «добротного отца всех народов», то в России гораздо большее внимание уделялось дискурсу «великих Побед» и общегосударственным историческим юбилеям. Механизмы формирования памяти о Крымской войне и «священных могилах Севастополя» были такими же, как и во время массовых кампаний в поддержку славян. Масштабное увлечение славянством формировало чувство сопричастности индивидуума со славянской миссией России. Мемориализация памяти о Крымской войне, равно как восстановление черноморского флота сплетались воедино с решением славянского вопроса на Балканах. Код «славно-русской взаимности» как нельзя лучше вписывался в контекст имперской идентичности, усиливая гражданскую и религиозную мотивацию в деле освобождения зарубежных славян. Сращивание Восточного и Славянского вопросов в коллективном подсознании россиян создавало значительную общественную поддержку балканской политике России и было эффективным инструментом управления общественными эмоциями со стороны государственной власти.

С 1860-х годов Россия стала осваивать славянскую политику на двух уровнях – благотворительном и геополитическом. Со второй половины 1870-х – начала 1880-х гг. Австро-Венгрия также начала активно проявлять себя как покровительница славянских народов. Конфликт двух моделей имперской идентичности на ценностном уровне

перерастал в их геополитическое соперничество на Балканах и за влияние на австрийских славян.

Шестое. Австрийские славяне были увлечены не столько общеславянскими проектами, сколько политическими программами, которые гарантировали бы им полноправный статус в монархии Габсбургов. Крупные объединительные инициативы, поддержанные в их среде, можно выстроить в одну логическую линию: австрославизм – австро-федерализм – неославизм. Все три интеграционных проекта имели выраженную прогабсбургскую лояльность. Общеславянские коды, равно как и русофильство, играли в них инструментальную роль.

По мере «взросления» национальных сообществ изменялось их отношение к славянской взаимности, образам общеславянского прошлого и будущего. Особенно – в отношении к России, которая мыслилась на грани «своего» и «чужого» мира. Представления об общем Дунайском доме-монархии Габсбургов были гораздо более устойчивыми и осознанными. Вопреки распространенным историографическим концепциям, можно предположить, что в идеологии австро-венгерских славян не существовало дуализма общеславянского и национального, поскольку собственная идентичность изначально имела абсолютную ценность, а общеславянские коды лишь придавали ей значимость и солидарную поддержку.

Седьмое. Неравномерность и фрагментацию в изучении славянского фактора в российской и зарубежной историографиях можно объяснить высокой степенью актуализации славянской темы как таковой. Каждый раз в интеллектуальных сообществах происходят существенные сдвиги, направленные на поиск концепций, наиболее соответствующих политической культуре и потребностям своего времени. В европейской и американской историографиях наблюдается спад интереса к славянской теме, доходящий до полного забвения. «Славянство» потеряло свою актуальность в новых интерпретациях европейской истории и истории регионов. Но без компетентной реконструкции этого мощного паттерна прошлого сложно понять процессы интеграции и фрагментации на востоке Европы и многоуровневые российско-европейские отношения в целом. Ведь сущность, смысл, ролевые функции и значение явлений и событий становятся понятными только в масштабе, который задается историческим временем и пространством.

**Публикации по теме исследования
Публикации в научных периодических изданиях,
рекомендованных ВАК:**

1. *Павленко О.В.* Июльский кризис 1914 г.: по материалам новых архивных публикаций МИД РФ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 141–154.
2. *Павленко О.В.* Первая мировая война, распад империй и проблемы послевоенного устройства мира как предмет академической рефлексии: вступительное слово / О.В. Павленко, В.И. Журавлева // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 5–10.
3. *Павленко О.В.* Идентичность и интересы постимперских обществ в межвоенный период (на примере историографии «славянского вопроса») / Павленко О. В. - DOI: 10.18254/S0002476-2-1 // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2018. Т. 9, вып. 8 (72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002476-2-1/> (дата обращения: 30.08.2022).
4. *Павленко О.В.* Миф о панславизме в западной историографии периода Холодной войны / О.В. Павленко // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4 (10), ч. 1. С. 9–15.
5. *Павленко О.В.* Осмысливая “долгий” XIX век: новые подходы в российской историографии / О.В. Павленко // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2016. № 1 (3). С. 148–154.
6. *Павленко О.В.* Панславизм и его модели / О.В. Павленко // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.
7. *Павленко О.В.* Политика и помпа в презентациях имперской власти в XIX – начале XX вв.: на примере России и Австро-Венгрии / Павленко О. В. // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2014. Т. 5, вып. 4 (27): Ученые, знания и власть в колониальных и континентальных империях. С. 11–45. URL: <https://history.jes.su/s207987840000714-4-1/> (дата обращения: 30.08.2022).
8. *Павленко О.В.* Россия и Австро-Венгрия середины XIX - начала XX века: политические мифы имперской власти / О. В. Павленко // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 116–135.
9. *Павленко О.В.* Зарубежная историография Габсбургской монархии. XX – начало XXI века / О. В. Павленко // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 94–109.
10. *Павленко О.В.* На поддержку православия: славянский фактор в дипломатических отношениях России и Австрии в 1830-1840-е годы / Ольга Павленко // Родина. 2013. № 3: Николаевская эпоха. С. 36–41.
11. *Павленко О.В.* Геополитическое проектирование «большой европейской войны» в 1910–1914 гг.: российский ракурс / О. В. Павленко

// Вестник РГГУ. Серия «Международные отношения. Регионоведение». 2012. № 7 (87). С. 11–39.

12. *Павленко О.В.* «Святой мученик» К. Гавличек. Мифологизация национального героя / О. В. Павленко // Славяноведение. 2004. № 1. С. 80–92.

13. *Павленко О.В.* Символы «свободы» в политических движениях народов Австрийской империи в 1848–1849 гг. / О. В. Павленко // Новый исторический вестник. 2001. №2 (4). С. 116–132.

14. *Павленко О.В.* Панславизм / О. В. Павленко // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.

15. *Павленко О.В.* [Рецензия] / Лебедева О. В. [Павленко О.В.] // Славяноведение. 1992. № 1. С. 108–111. Рец. на кн.: Georg J. Morava. Franz Palacký: eine frühe Vision von Mitteleuropa. Wien: Österreichischer Bundesverlag Gesellschaft, 1991.

Публикации в изданиях, индексируемых в базе Scopus:

16. *Павленко О.В.* Панславизм в оценках чехословацкой историографии эпохи Холодной войны / О. В. Павленко // Новый исторический вестник. 2018. № 4 (58). С. 136–147.

17. *Pavlenko O.V.* The Historiography of the Habsburg Monarchy in the Russian Intellectual Tradition of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries / О. V. Pavlenko // Новый исторический вестник. 2020. № 2 (64). С. 80–109.

Основные статьи в прочих научных журналах и сборниках

18. *Павленко О.В.* Панславизм / О. В. Павленко // Учителя, ученики, коллеги...: сборник статей к 60-летию Дмитрия Петровича Бака / Рос. гос. гуманитарный ун-т. - Москва: РГГУ, 2021. С. 107–126.

19. *Павленко О.В.* Россия и монархия Габсбургов в 1853–1914 гг.: через кризисы к крушению / О. В. Павленко, В. Мюллер // Россия – Австрия: веки совместной истории / отв. ред. Стефан Карнер и Александр Чубарьян. - Изд. 2-е, испр. и доп. - Москва: Аспект Пресс, 2020. - С. 69–96.

20. *Павленко О.В.* Советские исследования монархии Габсбургов и славянского вопроса во второй половине XIX – начале XX вв. / О.В. Павленко // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / Сев.-Кавказ. федер. ун-т, Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т славяноведения РАН [и др.]; отв. ред.: Крючков И.В., Павленко О.В. - Ставрополь: СКФУ, 2018. - Вып. 6: К 150-летию образования Австро-Венгерской империи. - С. 97-105.

21. *Павленко О.В.* Россия и монархия Габсбургов в 1853–1914 гг.: через кризисы к крушению / О. В. Павленко, В. Мюллер // Россия -

Австрия: веки совместной истории / отв. ред. Стефан Карнер и Александр Чубарьян. - Москва: Энерджи Пресс, 2017. - Гл. 3. - С. 58–83

22. *Павленко О.В.* Священный союз России и Австрии в 1840–50-е годы: «розы, полные шипов» / О. В. Павленко // 200-летие Венского конгресса и его значение для современных международных отношений: материалы международной научной школы молодых ученых историков / Ин-т всеобщей истории РАН. - Москва: Археодоксия, 2016. - С. 120–141.

23. *Павленко О.В.* Большой панславизм / О. В. Павленко // Историки-слависты МГУ. - Москва: Издатель Степаненко, 2016. - Кн. 11: Многоликий и беспокойный славянский мир: (научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисёнка). - С. 153-170.

24. *Павленко О.В.* [Рецензия] / О. В. Павленко // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. - 2015. - № 4 (81). - С. 257–262. - Рец. на кн.: Всемирная история: Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / гл. ред. А. О. Чубарьян; отв. ред. В.С. Мирзеханов. Москва: Наука, 2014. 939 с.

25. *Павленко О.В.* Австро-Венгрия и Германия в российских планах подготовки к "большой европейской войне" / О. В. Павленко // Актуальные проблемы истории Первой мировой войны: сборник статей / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. - Москва: ИВИ РАН, 2014. - С. 5–36.

26. *Павленко О.В.* Россия и Австро-Венгрия середины XIX - начала XX вв.: политические мифы имперской власти / О. В. Павленко // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Сев.-Кавказ. федерал. ун-т, Капошвар. ун-т. - Ставрополь : СКФУ, 2014. - Вып. 5. - С. 153-172.

27. *Павленко О.В.* «Западная угроза» и прогнозы большой европейской войны в военной и политической элите России (1910-1914 гг.) / О. В. Павленко // Полвека в славяноведении: сборник научных трудов, посвященных юбилею заслуженного проф. МГУ Л.П. Лаптевой / М-во образования и науки РФ, Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ист.-арх. ин-т, МГУ, Каф. истории юж. и зап. славян; отв. ред.: О. В. Павленко, И.В. Крючков. - Москва: МГУ, 2012. - С. 126–143.

28. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.) / М-во образования и науки, Федер. агентство по образованию, Рос. гос. гуманитарный ун-т [и др.]; отв. ред. С. А. Романенко [и др.]; редкол.: О.В. Павленко [и др.]; отв. за вып. О. В. Павленко. - Санкт-Петербург: Алетейя, Ист. кн., 2011. - 487 с. (член ред. коллегии, отв. за выпуск).

29. *Павленко О.В.* Экономические мировые кризисы XIX века и их влияние на европейскую дипломатию / О. В. Павленко // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.) / М-во образования и науки, Федер. агентство по образованию, Рос. гос. гуманитарный ун-т [и др.]; отв. ред. С.А. Романенко, И.В. Крючков, А.С. Стыкалин. - Санкт-Петербург: Алетейя, Ист. кн., 2011. - С. 96–122.

30. *Павленко О.В.* «Западная угроза» и прогнозы большой европейской войны в военной и политической элите России (1910–1914) / Ольга Павленко // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: материалы Международной конференции, Москва, 8 дек. 2010 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. гос. упр., Фонд "Русский мир". - Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2011. - С. 141–162.

31. *Павленко О.В.* Реконструкция панславизма в трудах А.Н. Пыпина / О. В. Павленко // А. Н. Пыпин и проблемы славяноведения / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Ставроп. гос. ун-т; отв. ред. М.Ю. Досталь. – Москва; Ставрополь: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2005. - С. 66–78.

32. *Павленко О.В.* Проблема панславизма в имперской дипломатии России и Австрии в 40–60-е годы XIX века / Павленко О. В. // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ставропол. гос. ун-т, Ин-т славяноведения РАН; отв. ред.: И. В. Крючков, О. В. Павленко. - Москва; Ставрополь: Изд-во Пятигорск. гос. лингвист. ун-та, 2004. - Вып. 1. - С. 64–109.

33. *Павленко О.В.* «Воображаемые нации» Австрийской империи в революцию 1848-1849 гг. / О. В. Павленко // Славянский мир в социокультурном измерении: сборник научных трудов / Ассоц. всемир. истории (Сев.-Кавк. представительство [и др.]). - Ставрополь: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2004. - Вып. 1. - С. 48–64.

34. *Павленко О.В.* К читателю / О. В. Павленко, Н. С. Павлова // Модерн. Модернизм. Модернизация: по материалам конференции «Эпоха «модерн». Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX – XX веков. Россия, Австрия, Германия, Швейцария» / Рос. гос. гуманитарный ун-т; отв. ред. Н. С. Павлова, О. В. Павленко. – Москва: РГГУ, 2004. - С. 11–13.

35. *Павленко О.В.* «Воображаемые нации» Австрийской империи / О. В. Павленко // Западноевропейская цивилизация и Россия: общее и особенное: материалы Всероссийской научно-практической конференции (16-18 октября 2003 г.) / Ставроп. гос. ун-т, Ин-т Европы РАН [и др.]; отв. ред. И. В. Крючков. - Пятигорск [и др.]: ПГЛУ, 2003. - С. 74–87.

36. *Павленко О.В.* Геополитические проекции славянского вопроса в XIX веке / О. В. Павленко // Проблемы славяноведения: сборник научных статей и материалов. - Брянск: БГУ, 2003. - Вып. 5. - С. 79–92.

37. *Павленко О.В.* "Славянский фактор" в отношениях России и Австрии в 40-60-е годы XIX века / О. В. Павленко // Славяно-германские исследования / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Науч. центр славяно-герм. исслед. - Москва: Индрик, 2000. - Т. 1–2. - С. 243–288. (международное издание Научного Центра славяно-германских исследований ИСБ РАН).

38. *Павленко О.В.* [Рецензия] // Славяно-германские исследования / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Науч. центр славяно-герм. исслед. - Москва: Индрик. - 2000. - Т. 1–2. - С. 349–360. – Рец. на кн.: *Rußland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1849)* / G. Marinelli-König. Wien, 1990.

39. *Павленко О.В.* «Мечта, не ставшая реальностью...» / О.В. Павленко // Славянский альманах, 1999 / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики. - Москва: Индрик, 2000. - С. 100–115. (издание по материалам ежегодного научного семинара «История и историография славянской идеологии» ИСБ РАН).

40. *Павленко О.В.* «Славянский вопрос» в контексте российско-австрийских дипломатических отношений в середине XIX века / О.В. Павленко // Россия и Европа: поиск единства или апология самобытности: бюллетень научного семинара молодых ученых и преподавателей гуманитарных наук / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т "Открытое о-во". - Москва: РГГУ, 1999. - Вып. 4. - С. 35–54.

41. *Павленко О.В.* «Национальное государство» и «этническое меньшинство» – проблемы соотношения / Ольга Павленко // Рубеж: альманах социальных исследований. - 1998. - № 12. - С. 175–192.

42. *Павленко О.В.* Концепция "нравственной политики" в чешском движении в XIX – начале XX вв. / О. В. Павленко // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика: посвящается 1000-летию Австрии и 1100-летию Венгрии / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Центр по изучению Австрии и Венгрии, Гос. ин-т искусствознания. - Москва: ИСБ, 1997. - С. 53–67. (материалы международной одноименной конференции, проходившей в Институте славяноведения и балканистики в 1996 году).

43. *Павленко О.В.* Россия в зеркале венской публицистики первой половины XIX века / О. В. Павленко // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика: посвящается 1000-летию Австрии и 1100-летию Венгрии / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Центр по изучению Австрии и Венгрии, Гос. ин-т искусствознания. - Москва: ИСБ, 1997. - С. 264–276.

44. *Павленко О. В.* Этнонационализм в зарубежных исследованиях / Ольга Павленко // Этнополитический Вестник Совета Российской Федерации. - 1996. - № 1. – С. 200–206.

45. *Павленко О.В.* Йиржи Коржалка: новый взгляд на процессы формирования наций в Центральной Европе / О. В. Павленко // Национализм и формирование наций: теории - модели - концепции / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Междунар. фонд югославян. исслед. и сотрудничества "Славян. летопись". - Москва: [б. и.],

1994. - С. 94–111 (научный сборник Института славяноведения и балканистики РАН).

46. *Павленко О.В.* Участие И.И. Срезневского в Славянском съезде 1867 года / О. В. Павленко // Славянские языки, письменность и культура: сборник научных трудов / Акад. наук Украины, Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. - Киев: Наукова думка, 1993. - С. 130–135 (материалы международной научной историко-мемориальной конференции, посвященной И.И. Срезневскому, проходившей в Институте русского языка и литературы РАН в Москве в ноябре 1992 года).

47. *Павленко О. В.* Культурные и политические аспекты «православной миссии» России в землях австрийских славян в XIX веке / О.В. Лебедева [О. В. Павленко] // Балканские исследования / Ин-т славяноведения и балканистики. - Москва: ИСБ, 1992. - Вып. 16: Российское общество и зарубежные славяне, XVIII - начало XX в.: материалы международной научной конференции "Россия и славяне, XVIII–1918 г." (Москва, 25-27 июня 1991 г.) / отв. ред. Л. П. Лаптева. - С. 89–105.

48. *Павленко О.В.* Эволюция славянской идеи в чешской общественной мысли в первой половине XIX века / Лебедева О. В. [Павленко О.В.] // Социально-политическая борьба в странах Европы и Америки в средние века и новое время / Марийский гос. ун-т, Каф. всеобщ. Истории. - Йошкар-Ола: МарГУ, 1991. - С. 129-139.

49. *Павленко О.В.* Проблемы панславизма в Чехии и в России в первой половине XIX века / О. В. Лебедева [О. В. Павленко] // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в.: сборник статей / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. и авт. предисл. Т. М. Исламов. – Москва: [б. и.], 1991. – С. 98–105.

50. *Павленко О.В.* Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма / О. В. Лебедева [О. В. Павленко] // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в средние века и новое время: межвузовский сборник / Марийский гос. ун-т, Каф. всеобщ. истории; отв. ред. Рандин А. В. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. - С. 125–143.

51. *Павленко О.В.* Идея всеславянства в Чехии и Словакии в первой половине XIX века / Лебедева О. В. [Павленко О. В.] // Материалы школы молодых славистов и балканистов, Звенигород, сент. 1988 г. / ред. Л. Е. Горизонтов [и др.]. - Москва: Ин-т славяноведения и балканистики, 1990. - С. 98–107.

52. *Павленко О.В.* Проблемы панславизма в контексте чешского национального движения в первой половине XIX в. / Лебедева О.В. [Павленко О.В.] // Основные направления историко-славистических исследований и преподавание университетского курса по истории южных и западных славян на современном этапе: XII Всесоюзная конфе-

ренция историков-славистов: тезисы докладов и сообщений, 25-27 января 1990 г. – Москва: МГУ, 1990. – С. 71–73.

53. *Павленко О.В.* Дневник Франтишека Скрейшовского как источник о поездке чешской делегации в Россию в 1867 г. / О.В. Лебедева [О.В. Павленко] // Идейно-политическая борьба в странах Европы и Америки: сборник статей / МГУ им. М. В. Ломоносова, Ист. фак.; под ред. И.В. Григорьевой. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 132–146.

54. *Павленко О.В.* Трактровка понятия «панславизм» в трудах А.Н. Пыпина / О. В. Лебедева [О. В. Павленко] // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны: XI Всесоюзная научная конференция историков-славистов, 27–29 января 1988 г.: тезисы докладов и сообщений / под ред. Э. М. Загорюльского, Д. Б. Мельцера. – Минск: Университетское, 1988. – С. 234–240.

Статьи в иностранных научных журналах и изданиях

55. *Pavlenko O.V.* Russland und die Habsburgermonarchie, 1853–1914: von Krisen zum Untergang / Olga Pavlenko, Wolfgang Mueller // Österreich - Russland : Stationen gemeinsamer Geschichte / Stefan Karner, Alexander Tschubarjan (Hg.). - Graz: Wien: Leykam, 2018. - S. 63–89.

56. Конфликто-сценарии 1900: политический - социальный - культурный: Австрия-Унгария и Российская Империя в сравнении / под ред. Петера Дютшманна, Волькера Мунца и Ольги Павленко. - Вена: Праезенс, 2011. - 406 с. (отв. ред.).

57. *Pavlenko O.V.* Russische geopolitische Entwürfe und Prognosen (1910-1914) eines "großen europäischen Krieges" / Ol'ga Pavlenko // Конфликто-сценарии 1900: политический - социальный - культурный: Австрия-Унгария и Российская Империя в сравнении / под ред. Петера Дютшманна [et al.]. - Вена: Праезенс, 2011. - S. 129–163.

58. *Pavlenko O.V.* "Zapadna hrozba" a prognozy vojenskej a politickej elity o velke europskej vojne / Olga Pavlenko // Slovansky Periled: review for the history of Central, Eastern and Southeastern Europe. - Praha, 2011. - Roč. 97. № 3-4. – S. 259–279.

59. *Pavlenko O.V.* Die "Slawische Frage" im Kontext der russisch-österreichischen Beziehungen während der Revolution 1848-1849 / O. Pavlenko // Der Prager Slavenkongress 1848 / Andreas Moritsch (hrsg.). - Wien: Böhlau, 2000. - S. 19–38.

60. *Pavlenko O.V.* Rußland und die Donauslaven, 1848–1871 / Olga V. Pavlenko // Der Austroslavismus: ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas / Andreas Moritsch (Hg.). - Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1996. - S. 156–177.

61. *Pavlenko O.V.* Soviet Historiography of the Habsburg Empire / Olga Pavlenko, Tofik Islamov, and Alexey Miller // Austrian History Yearbook. - Minneapolis, 1995. - Vol. 26. - P. 165–188.